

УДК 101.1 : 316

ББК 60.027.31

Ш 15

Д.С. Шагако

Аспирант кафедры философии Воронежского государственного технического университета, E-mail:dmitrii-shagako8@mail.ru

Агрессия и насилие в контексте социальных взаимодействий

Аннотация: Формы проявления агрессии и насилия весьма разнообразны, они существовали и существуют повсеместно, во все исторические эпохи и на всех уровнях социума. Однако, несмотря на распространенность этих явлений, и до сегодняшнего дня исследователям не удалось окончательно ответить на вопрос, что лежит в основе каждого из них. В статье автор приводит различные варианты понимания сущности общенаучных категорий «агрессия» и «насилие», а также, подвергнув их всестороннему философскому анализу и рассматривая их в тесной взаимосвязи, приводит собственный вариант определения этих феноменов человеческого бытия.

Ключевые слова: Агрессия, насилие, социальное действие.

D.S. Shagako

Post-graduate student of Philosophy Department of Voronezh State Technical University, E-mail:dmitrii-shagako8@mail.ru

Aggression and violence in a context of social interactions

Abstract: The display forms of aggression and violence are various, they existed and exist everywhere, during all historical epochs and at all levels of a society. However, despite prevalence of these phenomena, researchers did not manage to answer definitively a question as to what underlies each of them. In the paper, the author provides different variants of understanding the essence of general scientific categories “aggression” and “violence”. Also, having subjected them to all-round philosophical analysis and considering them in close interrelation, the author gives his own variant of definition of these phenomena of human life.

Keywords: Aggression, violence, social action.

На протяжении длительного времени агрессия и непосредственно связанное с ней насилие сопровождают жизнь человека, присутствуют в ней постоянно, являясь непременным атрибутом как частного существования конкретного индивида, так и целых сообществ, выходя на уровень всего человечества. Исследователями было подсчитано, что только за последнее десятилетие в мире произошло свыше 100 локальных войн [8, с. 41]. Известно, что за всю летописную историю человечества едва ли 10 из 185 сменившихся за этот период поколений смогло насладиться мирными временами [3, с.286]. Кроме того, лишь в одной стране - Соединенных Штатах Америки - с начала 1990-х гг. более 900 тысяч человек рассталось с жизнью в результате различных преступлений [14, с. 37]. Видимо, следует согласиться с утверждением польской писательницы У. Козел: война (т. е., другими словами, насилие) «не кончается, она лишь отдыхает», чтобы затем снова громко заявить о себе [9, с. 121].

Другими словами, единая проблемная составляющая «агрессия-насилие» была и остается одним из глобальных и пока неискоренимых феноменов существования человечества. Разнообразные формы ее проявления можно наблюдать во всех уголках нашей планеты и на всех этапах общественно-исторического развития; она влияет на исторические судьбы людей, заставляет задуматься о способах и причинах своего

существования. Очевидна правота А. Камю, который полагал, что бунт, закономерно содержащий в себе элементы как агрессии, так и насилия, - «это одно из существенных измерений человека. Он является нашей исторической реальностью» [11, с. 133].

Однако окончательное понимание сущности этих важных философских категорий, несмотря на всю проделанную работу в данном направлении, во многом еще не достигнуто. В целом следует говорить о том, что выявление их взаимосвязи затрудняется отсутствием, в первую очередь, единого взгляда на конкретную внутреннюю суть, на то, что следует называть «агрессией», а что - «насилием». Как точно заметил К. Лоренц, агрессия (добавим от себя и насилие) связывается у людей «с самыми разнообразными явлениями..., начиная от драки петухов... и заканчивая... войной и атомной бомбой» [12, с. 37].

Именно поэтому начинать рассмотрение проблемы существования агрессии и насилия в обществе следует с выявления конкретного смысла, точной внутренней сути каждого из этих понятий как общепсихологических категорий, с ответа на вопрос, что лежит в основе того и другого заявленного выше явления.

Методологическая неразбериха, о которой говорил К. Лоренц, порождает множество разнообразных мнений и у исследователей. При их внимательном анализе нам удалось выделить две основные группы взглядов на то, как понимается сущность человеческой агрессии.

Часть исследователей определяет агрессию, исходя из прямого, поверхностного наблюдения за поведением субъекта этого явления. В качестве примера здесь можно привести позицию А. Басса, который считает агрессивным «любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб» [3, с. 25].

В данном случае в качестве критерия ее осуществления выделяется более доступное для осознания наблюдателем наличие внешнего физического ущерба жертве, но вот сущность подобного поведения самого агрессора остается вне поля зрения, что недостаточно раскрывает саму суть проблемы и порождает ряд новых вопросов.

Таким образом, явная слабость данного подхода заключается в том, что агрессия здесь выступает в неконкретизированной форме; в рамки такой категории, в принципе, возможно попадание любого поведенческого акта. В результате всякое поведение субъекта агрессии, по сути, может считаться агрессивным, что, конечно же, никак не соответствует действительности.

В поисках выхода из подобного логического тупика ряд исследователей, не отрицая в понятии «агрессия» поведенческого момента и наличия ущерба или его угрозы, сосредоточили свое внимание не на внешней, а на ее внутренней, скрытой от прямого наблюдения стороне. В этом случае становится очевидна та важная роль, которую играет мотив поведения, т. е., выражаясь языком Ж. П. Сартра, «совокупность рациональных соображений, которые его [действие субъекта] оправдывают» [19, с. 457].

В качестве примера мы считаем целесообразным привести определение, которое дал агрессии Л. Берковиц. Под этой категорией он понимал «любую форму поведения, которая нацелена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб» [2, с. 24].

Другими словами, для того чтобы поведение субъекта агрессии было действительно агрессивным, оно не должно просто приводить к негативным последствиям, а обязано быть целенаправленно вредоносным, в нем должен присутствовать неподдающийся визуальному наблюдению субъективный мотив нанесения вреда. Если же таковой отсутствует, как в приведенных ранее примерах, то человек имеет дело с так называемой псевдоагрессией, т. е. действиями, «в результате которых может быть нанесен ущерб, но которым не предшествуют злые намерения» [22, с. 257].

В конечном итоге, если объективно сравнивать оба описанных выше подхода, то очевидно, что во втором случае агрессия рассматривается более основательно, т. к.

здесь анализируются внутренние намерения всех субъектов агрессии, будь то индивид или общественная группа, и внешние формы ее проявления не играют той определяющей роли, как в первом.

Тем не менее, оба рассмотренных варианта определения агрессии обладают одним значительным недостатком. Дело в том, что на их основании сложно судить, существует ли агрессия в ситуациях, когда происходит и причинение внешнего ущерба объекту подобного действия, и присутствует (у субъекта) обоснованное стремление причинить ущерб, но при этом сообщество в целом относится к данной ситуации положительно, как к не несущей в себе однозначного вреда.

Подобный парадокс попытался разрешить Р. Де Риддер, который предложил называть поведение человека агрессивным, только если соблюдаются два условия: «...во-первых, когда имеют место губительные для жертвы последствия; во-вторых, когда нарушены нормы поведения» [18, с. 84].

В итоге для определения человеческой агрессии в данном случае был предложен еще один важный критерий, а именно то, что любая форма ее проявления, так или иначе, должна быть неразрывно связана с осознанным или неосознанным нарушением агрессором неких норм, принятых в обществе в целом или в социальной группе, к которой он относится. Именно на этом основании и должно происходить, на взгляд Де Риддера и его последователей, понимание того, является ли поведение человека агрессивным по своей сути или только внешне сходно с ним, будучи, по существу, уже упоминавшейся ранее псевдоагрессией.

С этой точки зрения, человеческую агрессию всегда следует рассматривать без отрыва конкретных действий от конкретной мотивации и в тесной связи с социальным контекстом данной ситуации.

Таким образом, единого общепринятого варианта определения человеческой агрессии до сих пор не создано, каждый исследователь начинает свою работу, чаще всего, с того, что примыкает к какой-либо из представленных выше точек зрения. В итоге, как вполне обоснованно заметил Д. Зиллман, «несмотря на большой прогресс в изучении агрессии..., наше понимание ее все еще фрагментарно и незавершенно» [17, с. 10], что, безусловно, вносит определенную путаницу при философском осмыслении данного явления.

Однако было бы неправильно просто остановиться на этом, т. к. приведенные определения не отражают всей философской сути проблемы, а, значит, требуют в связи со всей ее сложностью и многогранностью серьезных методологических уточнений.

Во-первых, надо иметь в виду, что, кроме людей, и другие живые существа также могут вести себя агрессивно. Это позволяет утверждать об универсальности категории «агрессия». Как заметил К. Лоренц, «человек действует чисто инстинктивно и... каждый павиан в аналогичной ситуации сделал бы то же самое» [12, с. 252].

Однако люди в процессе своего существования в обществе, так или иначе, постоянно соотносят свои действия, в том числе и агрессивные, с действиями других людей, сравнивают и оценивают их, тем самым вкладывая в них субъективный смысл (т. е. отвечают на вопрос, для чего они это делают): социальное действие человека - это такое действие, которое «соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4, с. 603]. Это дает нам полное право говорить о том, что поведение человека - сложный процесс, целая «система внутренне взаимосвязанных действий..., которая направлена на реализацию той или иной функции...» [6, с. 218].

Другими словами, действия людей всегда биологически и социально мотивированы, т. е. преследуют важную для них, но в каждом конкретном случае субъективную цель (или несколько целей) не в нанесении вреда, что является лишь возможным результатом, следствием, а в удовлетворении различного рода потребностей, достижении интересов. Этот процесс у человека как социального существа происходит только во взаимодействии (прямом или косвенном, но оно

существует в любом случае) с себе подобными, с другими членами единого социума, во взаимовлиянии на сознание друг друга.

Однако хотя, действительно, внешняя оценка агрессии и носит субъективный характер, но то, что данные действия являются по своей форме именно агрессивными, т. к. мотивированы и могут наносить ущерб другой стороне, это, с нашей точки зрения, сомнения не вызывает. Поэтому сама человеческая агрессия как поведенческий акт, как внешнее проявление окружающей реальности всегда независима от того, кем, как и на каком основании она оценивается: «...воздействие, как таковое, не есть зло, т. к. ничто внешнее, само по себе, не может быть ни добром, ни злом... Тот, кто нравственно осуждает внешнее, тот дает свою оценку» [10, с. 66].

Все вышесказанное дает право утверждать, что объективно существуют два уровня человеческой агрессии. Первый уровень является биологически обусловленным, врожденным. Он в той или иной мере наблюдается у всех живых существ, включая человека на ранних стадиях его развития.

Второй уровень следует относить к исключительно человеческой форме агрессии, т. к. она формируется под влиянием социальных условий, определяется различного рода социальными образованиями и носит характер социальных объектно-субъектных отношений.

Во-вторых, говоря о реальной агрессии, стоит, видимо, встать на позицию тех исследователей, которые в качестве объекта агрессивного воздействия выделяют не только человека, но и другие живые существа, а также неживые, в том числе абстрактные, объекты [22, с. 256]. Последний момент особенно важен, т. к. достаточно вспомнить хотя бы распространенные примеры такого социального явления, как вандализм - физический, когда люди в процессе своего агрессивного поведения уничтожают чужие или даже свои вещи, начиная от разбивания тарелок на кухне и машин на улицах и заканчивая разрушением целых городов, и духовный, когда могут уничтожаться и некоторые типы культурного капитала того или иного общественного строя (например, искоренение неудобной по различным причинам идеологии, языка и т. д., что в перспективе может приводить к духовной смерти целых народов). В данном случае мы имеем дело с перенесением субъектом агрессии с себе подобного на неодушевленные предметы, отрицать факт существования которого просто недопустимо.

Поэтому очевидно, что рассматривать различные неодушевленные объекты наряду с одушевленными как объекты агрессивных действий можно и нужно в случаях, когда «от состояния этого объекта зависит физическое или психологическое благополучие его обладателя или пользователя» [3, с. 14].

Итак, агрессия человека - это всегда мотивированный (мотив может быть скрытым или явным, но он, в любом случае, наличествует) тип социального действия, форма общественного поведения людей и их групп (вплоть до уровня всего общества), одним из обязательных результатов которого является угроза причинения и (или) само причинение агрессором объекту своего нападения - любым живым существам или неживым предметам, являющимся их «заменителями», любого вида физического и (или) психологического вреда (ущерба).

В данном случае, с нашей точки зрения, такое понимание сути человеческой агрессии действительно характеризует ее как социально-философскую категорию. При этом следует еще раз подчеркнуть ее двойной неразрывный объективно-субъективный характер: агрессия есть именно акт поведения, который объективно происходит в реальности вне зависимости от того, как к нему относится и сам субъект агрессии, и ее объект, т. е. та сторона, на которую она направлена, и «зрители», наблюдающие ее со стороны, но, по сути, заключающий в себе оценку (в субъективной основе мотивации и степени нанесенного ущерба).

Таким образом, агрессия как явление объективно происходит и не требует никакого оценивания извне, но при этом всегда несет в себе элементы оценивания.

Подобному анализу следует подвергнуть и другую составляющую рассматриваемой нами единой проблемы «агрессия-насилие». Как и в случае с агрессией, общепризнанного определения насилия до сих пор не выработано; вокруг данного феномена человеческой жизни существует огромное количество подчас абсолютно противоречивых суждений.

Чаще всего исследователи под этим явлением понимают какую-либо сторону агрессии. Более того, во многих случаях эти два понятия употребляются ими напрямую как синонимы. К примеру, специалисты Всемирной организации здравоохранения фактически приравнивают агрессию и насилие, рассматривая последнюю как «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц..., результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущербы» [15, с. 5].

Ряд исследователей обобщает понятия «насилие» и «конфликт». В качестве показательного примера можно привести определение А. Гуггенбуля, который подразумевает под насилием «форму эскалации агрессивного выяснения взаимоотношений сторон» [7, с. 9].

Некоторые исследователи вообще ограничиваются при объяснении насилия рассмотрением действия прямой физической силы, несущей за собой внешний материальный ущерб. Так, Л. Берковиц называет насилием намеренное стремление «причинить серьезный физический ущерб другому лицу» [2, с. 32], а Ж. Семлен - «физическое уничтожение человека» [20, с. 82].

Иногда насилие соотносится с такой внутренней чертой человека, как жестокость. Например, криминолог Ю. М. Антонян видит в насилии «намеренное и осмысленное причинение [человеком] другим [людям] мучений и страданий ради них самих или достижения других целей либо как угроза такого причинения» [1, с. 14].

Отдельные исследователи рассматривают насилие лишь в политическом контексте, только через призму властных отношений и нарушения чьей-либо свободы, соединяя его с понятием «принуждение». К примеру, с точки зрения польского исследователя А. Гжегорчика, насилие есть «принуждение людей к принятию определенных условий или к какому-то поведению...». При этом он и сам признает, что его определение имеет «условный характер» [5, с. 54].

Таким образом, существует значительное количество определений - понятия «насилия», но практически везде оно рассматривается поверхностно, без многостороннего комплексного анализа, понятие не имеет четко обозначенных и общепризнанных границ применения. Это дает повод остановиться на философском осмыслении данного явления человеческой жизни более подробно.

На наш взгляд, каждый насильственный акт является прямым следствием, выражением агрессивных действий. Вероятно, поэтому многие исследователи и рассматривают их тождественными друг другу. Как верно заметил Р. Мэй, «агрессия и насилие справедливо связаны в общественном сознании — обычно говорят об агрессии и насилии...» [13, с. 220]. Однако, несмотря на наличие очевидной и тесной взаимосвязи между этими понятиями, насилие имеет ярко выраженные отличительные черты.

Во-первых, для того чтобы принять форму насилия, агрессивные действия обязательно должны заключать в себе субъективно отрицательный смысл, т. е. они расцениваются в данном сообществе как нежелательные, незаконные, не соответствующие определенным нормам морали.

Другими словами, насилие есть всегда субъективно отрицательно оцениваемое агрессивное действие. Характеристика субъективности в данном случае играет самую важную роль: наличие элемента насилия в агрессивном действии всегда относительно,

оно зависит от степени его оценивания объектом агрессии в рамках той нормативно-ценностной системы сообщества, в котором происходит данное социальное действие: «многое, что у одного народа называется добром, у других называется... позором...» [16, с. 338], и наоборот.

Таким образом, насилие всегда относительно, субъективно, зависимо от конкретной социальной и исторической ситуации и не является нейтральным по сути, всегда несет на себе печать отрицательного оценивания, в отличие от агрессии, которая по существу дуалистична и носит объективно-субъективный характер.

Другими словами, насилие само по себе есть понятие исключительно субъективно-аксиологическое; насилие - это агрессия, которая, неприемлема, негативна, не должна повторяться впредь. «В самом слове «насилие» уже скрывается отрицательная оценка: «насилие» есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное...» - с этим заявлением И. А. Ильина [10, с. 43] мы склонны соглашаться.

В силу своей оценочной сути насилие может существовать только в общественной среде, где у людей существуют некие нормы, стандарты, идеалы, под влиянием которых они и строят свою жизнь, постоянно оглядываясь на них и сравнивая свое поведение с этим и нормативными рамками. Поэтому о насилии стоит говорить лишь как о явлении социальной природы человека; биологического насилия не существует, в животном мире, живущем инстинктами, его просто нет, т. к. там нет сознательного уровня оценивания. В этом случае стоит говорить об агрессии как о факторе биологической жизни, заложенном от природы.

Во-вторых, для полного понимания сути насилия следует подробнее остановиться на характеристике понятия «социальное взаимодействие», которое следует рассматривать как действие одних субъектов (и одновременно объектов) этого взаимодействия относительно других. При этом следует учитывать, что если подобного рода действия расцениваются одним из субъектов-объектов взаимодействия как противоречащие их устремлениям (т. е., можно сказать, происходит акт «недобровольного взаимодействия»), то речь начинает заходить уже о таком понятии, как «принуждение», которое выступает одной из важнейших характеристик насилия.

Другими словами, мы считаем, что во всех тех случаях, когда субъекты взаимодействия заставляют, принуждают объекты совершать какие-либо действия (физическим, психологическим (с помощью вербальных угроз) путями или комплексно) против воли, устремлений, установок последних, и они это осознают, оценивают с позиции «недобровольно», то имеет место быть явление «насилия».

Таким образом, еще одним из центральных элементов в объяснении феномена насилия выступает понятие «отрицательно оцениваемого принуждения» как составной части социального взаимодействия, которое нарушает благополучие воли объекта этого взаимодействия, в результате чего он может испытывать прямой физический ущерб или психологический дискомфорт, т. е. «испытывать насилие». Как замечал Л. Н. Толстой, насилие состоит в том, что «...одни люди могут силой заставить других людей жить по своей воле...» [21, с. 200].

Таким образом, насилие следует рассматривать как исключительно социальную, присущую только человеку как общественному существу форму выражения агрессивного поведения, которая включает в себе субъективно-отрицательную оценку со стороны объекта этой агрессии или данной нормативно-ценностной общественной системы и основана на механизме принуждения, т. е. на стремлении субъекта агрессии навязать объекту свою волю, заставить его действовать в русле своего желания вопреки желаниям самого объекта. При таком понимании понятие «насилие» приобретает более конкретный смысл, чем если просто отождествлять его с властью или разрушительной силой, оно позволяет отделять его и от агрессии, и от «положительного принуждения», «понуждения» [10, с. 62], носящего легитимный характер в силу своей опять же субъективной направленности.

Субъектами и объектами как агрессии, так и насилия могут выступать не только отдельные индивиды, но и их социальные совокупности (группы) различного масштаба. При этом, становясь членом той или иной общности, индивиды, в добровольной или принудительной форме, неизбежно соотносят уровень своих притязаний, потребностей с аналогичными притязаниями остальных ее членов, тем самым переводя свои интересы из разряда индивидуальных в разряд коллективных.

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что насилие и агрессия - это две составляющие одного явления человеческой жизни, существующие неразрывно друг от друга, как его биологическая и социальная стороны. Их основное различие, с нашей точки зрения, заключается в том, что агрессия есть, видимо, результат его природного происхождения, но затем начинает зависеть и от сферы сознания, т. е. присутствует в его жизни одновременно и объективно, и на ценностном уровне. Насилие, в свою очередь, есть понятие, созданное сугубо с помощью человеческого разума, т. е. субъективно-социально-человеческое по своему характеру, и включает в себе его ценностный уровень осознания действительности бытия. Насилие не может быть благом, т. к. оно по своей субъективной сути является понятием отрицательным, приводящим к разрушениям, страданиям (физическим и психологическим) и лишениям, что никак не может быть расценено как положительное явление.

Приложения:

1. Антонян Ю.М. Психология убийства / Ю.М. Антонян. М.: Юрист, 1997. 304 с.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
3. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. 336 с.
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-643.
5. Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. 1992. №3. С. 54-64.
6. Гобозов И.А. Социальная философия: учеб. словарь. М.: Академический Проект, 2008. 367 с.
7. Гуггенбуль А. Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости и борьба с ними. СПб.: Академический проспект, 2000. 220 с.
8. Денисов В.В. Философия насилия // Философия и общество. 2008. № 1. С. 39-56.
9. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. М.: Эксмо, 2007. 1056 с.
10. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М.: ДАРЪ, 2005. 464 с.; Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
11. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс: Универс, 1994. 272 с.
12. Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия / Р. Мэй. М.: Смысл, 2001. 319 с.
13. Налчаджян А.А. Агрессивность человека / А.А. Налчаджян. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
14. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Э.Г. Круга и др. М.: Весь Мир, 2003. 376 с.
15. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: сочинения. М.; Харьков: Эксмо: Фолио, 2008. С. 295-556.
16. Румянцева Т.Г. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке. М.: Университетское, 1991. 150 с.
17. Румянцева Т.Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 81-87.
18. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
19. Семлен Ж. Выход из насилия // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: сборник / под ред. Л.И. Василенко, В.Е. Ермолаевой. М.: Прогресс, 1990. С. 76-85.
20. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высш. шк., 1993. 527 с.
21. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2006. 635 с.

References:

1. Antonyan Yu.M. Psychology of murder / Yu.M. Antonyan. M: Yurist, 1997. 304 p.
2. Berkovits L. Agression: the reasons, consequences and the control / L. Berkovits. SPb.: Prime-Eurosign, 2002. 512 p.
3. Beron R., Richardson D. Agression. SPb.: Peter, 1997. 336 p.
4. Weber M. Basic sociological concepts // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. P. 602-643.
5. Gzhegorchik A. Spiritual communications in the light of a nonviolence ideal // Questions of Philosophy. 1992. No.3. P. 54-64.

6. Gobozov I.A. Social philosophy: Educational dictionary. M.: The Academic Project, 2008. 367 p.
7. Guggenbyul A. Ominous charm of violence. Nursery preventive measures against aggression and cruelty and struggle against them. SPb.: The Academic Prospectus, 2000. 220 p.
8. Denisov V.V. Philosophy of violence // Philosophy and a Society. 2008. No.1. P. 39-56.
9. Dushenko K.V. The big book of aphorisms. M.: Eksmo, 2007. 1056 p.
10. Ilyin I.A.. On resistance to harm by force. M.: DAR, 2005. 464 p.; Kamyu A. The revolting person. Philosophy. A policy. Arts. M.: Politizdat, 1990. 415 p.
11. Lorentz K. Agression (so-called "harm"). M.: Progress: Unifers, 1994. 272 p.
12. Mey R. Strength and innocence: in search for violence sources. M.: Smysl, 2001. 319 p.
13. Nalchadzhyan A.A. Aggression of the person / A.A. Nalchadzhyan. SPb.: Peter, 2007. 736 p.
14. Violence and its influence on health. The report on a situation in the world / Ed. E.G. Krug etc. M.: The Whole World, 2003. 376 p.
15. Nietzsche F. Thus Zarathustra told // Nietzsche F. Behind the Good and Harm: Compositions. M.: Kharkov: Eksmo; Folio, 2008. P. 295-556.
16. Rumyantseva T.G. Aggression: problems and searches in the western philosophy and science. M: Universitetskoe, 1991. 150 p.
17. Rumyantseva T.G. A concept of aggression in modern foreign psychology // Questions of Psychology. 1991. No.1. P. 81-87.
18. Sartre J.P. Life and nothing: Experience in phenomenological ontology. M.: Respublika, 2004. 639 p.
19. Semlen J. Exit from violence // Global problems and Universal values: the Collection Eds. L.I.Vasilenko, V.E. Ermolaeva. M.: Progress, 1990. P. 76-85.
20. Tolstoy L.N. The way of life. M.: Higher school, 1993. 527 p.
21. Fromm E. Anatomy of human destructivity. M.: ACT, 2006. 635 p.